

Освобожденный Иерусалим

Автор:

Торквато Тассо

Освобожденный Иерусалим

Торквато Тассо

«Освобожденный Иерусалим» – одна из наиболее известных рыцарских поэм итальянского поэта XVI века Торквато Тассо (итал. Torquato Tasso, 1544-1595). *** Готфрид Бульонский возглавляет Первый крестовый поход, по завершении которого на Ближнем Востоке возникает христианское королевство. Основными сочинениями автора являются «Гора Оливето», «Сотворённый мир», «Король Торрисмондо», «Галеальт», «Аминта», «Ринальдо», «Завоеванный Иерусалим» и «Рассуждение о поэтическом искусстве». В большинстве произведений Торквато Тассо прослеживается влияние античных писателей, творчеством которых он увлекался в ранней юности.

Торквато Тассо

Освобожденный Иерусалим

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

1

Пою борьбу святую и борца,

Исторгшего из плена Гроб Господень.

И мужество, и храбрость, и терпенье
Явил он в славных подвигах своих.
Напрасно на него и Ад кромешный,
И Азия, и Африка восстали:
Хранимый Небом, под святые стяги
Собрал он вновь рассеянных собратьев.

2

О Муза! Ты, что лавром преходящим
Себя не величаешь, но живешь
Среди небесных клиров на Олимпе,
Венчанная бессмертными звездами,
Зажги, о Муза! творческое пламя
В моей груди; прости меня, коль правду
Украшу я цветами и в стихах
К твоим еще свои прибавлю чары.

3

Ты знаешь, как спешат упиться люди
Парнасской ложью; знаешь ты, как правда,
Прикрытая поэзией, способна
Повелевать мятежными сердцами.
Так подслащаем мы края посуды
С лекарством для недужного ребенка;

Обманутый, целительную горечь

Глотает он и остается жив.

4

О мой оплот, Альфонс великодушный!

О ты, что спас мой челн полуразбитый

От тайных скал стихии разъяренной,

С улыбкою склони свой слух к стихам,

Тебе среди напасти посвященным.

Предвидя жребий твой, быть может, Муза

Воспеть твои деяния дерзнет

И повторит лишь то, что здесь воспето.

5

Да, если христианские народы

Когда-нибудь в одну семью сплотятся

И дружной ратью двинутся вторично

Отнять у мусульманина добычу,

Да во главе той рати станешь ты

И поплывут все флаги за тобою;

Готфрида состязатель, удостой

Меня послушать и готовься к битвам.

6

Пять раз уж солнце путь свой пробежало

С поры, когда подвижнический пыл

Увлек Христовых воинов к Востоку.

Никея уступила их отваге:

Искусно овладев Антиохией,

Они ее от персов отстояли.

В Тортозе захватила их зима,

И там весны пришлось им дожидаться.

7

К концу уж приближалась непогода,

Сковавшая воителей ретивость,

Когда с престола, выше звезд настолько ж,

Насколько звезды выше преисподней,

Предвечный опустил Свой взор к земле;

В единый миг единым взглядом обнял

Он мир земной во всем его пространстве

Со всеми в нем живыми существами.

8

Все перед Ним; и Сирию Он видит,

И видит государей христианских.

Проникновенным взором отличает

Меж них благочестивого Готфрида,

Пылающего рвением Солим

Освободить от гнета нечестивых.

И славою, и властью, и богатством —

Всем пренебрег он для высокой цели.

9

Честолюбивый Балдуин стремится

Всем существом к величию земному.

Танкред, добыча гибельной любви,

Разочарован в жизни. Боэмунд

Престол в Антиохии утверждает,

Законы вводит, создает искусства

И приобщает подданных своих

К святым основам нравов беспорочных.

10

Весь в это погруженный, он уж явно

Не думает о подвигах иных.

Мятежный дух Ринальда, негодуя

На вынужденный мир, войне шлет вызов.

К сокровищам и власти равнодушный,

Лишь бранной славы жаждет он безмерно.

Чарует Гвельф и слух его, и сердце

Рассказами о подвигах старинных.

11

Душевные изведав тайники
Всех названных и прочих государей,
Зовет Владыка мира Гавриила,
Второго из архангелов Своих.
Посредник между небом и землею,
Глашатай благодати, Гавриил
Вещает Божью волю человеку
И от него мольбу возносит Богу.

12

«Лети и от Меня спроси Готфрида:
Когда ж конец бездействию настанет?
Когда ж Солим избавится от гнета?
Пускай военачальников, скажи,
Тотчас же созовет и поторопит.
Он будет их главою и вождем.
Кто избран Мной, тот ими будет избран,
Сегодня равный им, но скоро – выше».

13

Господь сказал, и верный Гавриил
Воздушные уж принял очертанья

И видимость невидимому придал.
Он в образ человеческий облекся,
Но полон взор величием небесным.
По возрасту и отрок он, как будто,
И юноша. Блестящие лучи
Над светлыми его кудрями реют.

14

Белеет за плечами пара легких
Усталости не ведающих крыльев.
Концы их ярким золотом горят.
Высоко над землей и над морями
Парит на них он против туч и ветра,
Покинув небеса, пределы мира
Он пересек уже и на мгновенье
Недвижно повисает над Ливаном.

15

И вот он устремляется к Тортозе.
Широко распахнул Восток свои
Ворота перед солнцем; частью круга
Оно еще казалось под водою.
Готфрид успел уж помолиться Богу,
Как вдруг, плывя по небу вместе с солнцем,

Но с блеском дня победно соревнуя,
Является ему посол небесный.

16

«Пора, Готфрид, зачем еще ты медлишь?

Дай клич военачальникам, за лень

Их пожури; по Божьему избранью

Они тебя главой своим признают.

Так повелел Господь. Какое рвенье

Должно в тебе и войске разгореться!»

Сказал – и в небесах уже. Готфрид

В безмолвном изумленьи остается.

17

Но, овладев собой, он размышляет

О слышанном Господнем повеленье,

О Господе и о Его после.

В воспрянувшем порыве он горит

Желанием докончить начатое.

Не суетной гордыней он проникнут:

Как искру зажигает пламя, так

В нем волю зажигает воля Неба.

18

Сзывает он соратников поспешно:
И письма и гонцы летят повсюду.
Советуя, он молит в то же время,
Что может душу доблестную тронуть
И побудить уснувшую отвагу,
Все у себя находит он в душе
И средствами могучими такими
Он все сердца чарует и пленяет.

19

Съезжаются вожди. Лишь Боэмунд
Свои владенья бросить не желает.
Одни находят кров в стенах Тортозы,
Другие размещаются в равнинах.
В урочный день торжественный совет
Воителей державных заседает.
Там и Готфрид; величием отмечен
Он и в лице, и в речи вдохновенной.

20

«Вершители небесного возмездья,
Вы, призванные в храмах обновленных
Восстановить святую веру, вы,
Кого десница Божья сохранила

От бед и зол на суше и воде,
Вы, столько стран вернувшие закону,
Вы, посреди народов покоренных
Христово возвеличившие имя!

21

Не ради же тщеславия пустого
Мы бросили отчизну, жен, детей;
Не для того ж мы вверили себя
Стихии вероломной и подверглись
Опасности далекого похода,
Чтоб варваров лишить свободной доли:
Столь низменные подвиги, конечно,
Не окупил б крови пролитой.

22

Над городом святым святыя стяги
Победно развернуть, единоверцев
Спасти от унижительного рабства,
Основу положить державе новой,
Дать прочный благочестию приют,
Преграды сокрушить для поклоненья
Святому Гробу – вот какие цели
Вооружили нас на славный подвиг.

23

Мы тысячью опасностей презрели,
Перенесли тягчайшие труды,
Но очень мало мы бы совершили
Для нашей славы, а для целей наших
Не совершили б ровно ничего,
Когда бы здесь остановили натиск
Соединенных сил иль на другие
Места его направили отсюда.

24

Какую бы мы выгоду стяжали,
В глубь Азии увлекши всю Европу
И заревом пожаров осветив
Из края в край обширные пространства,
Когда бы эти все деянья наши
К тому лишь привели, что много царств
Разрушенных осталось бы за нами,
Но созданного вновь ни одного?

25

Тот царства не построит, кто в основу
Мирские вожделения кладет.

Оторванный от Запада, среди
Язычников, неверных, чужеземцев
И греков вероломных, он увидит,
Как рушится его сооруженье,
И, заживо заваленный камнями,
Могилу он лишь выроет себе.

26

Все имена, все подвиги: и турки,
И персы, и у ног Антиохия!
Но подвиги не наши. Милость Неба
И мощь его явилась в них. И если
Мы эти все щедроты обратим
В орудия борьбы мятежной с ним же,
То, я боюсь, лишимся мы всего
И станем только притчей во языцех.

27

Прогоним, ах, прогоним мысль преступно
Воспользоваться благостью небесной!
Идем, не останавливаясь больше,
И славой увенчаем наш почин.
Свободен путь, за нас и время года;
Бежим, летим к стенам, где Небесами

Предел для наших подвигов указан:

Что нас еще удерживает здесь?

28

Да, государи, вот, что без ошибки

Предчувствие мое вам возвещает:

Вселенная, грядущие века

И сонмы сил небесных да услышат!

Пришла пора, созрела жатва наша.

Промедлим – все плоды победы сгинут.

Пока мы спим, Египет, вижу я,

Спешит уже на помощь Палестине».

29

Сказал; глухой повсюду шепот слышен.

И Петр тогда встает; простой пустынный,

Он помогал советами в походе,

Что по его же кличу был предпринят.

«К чему Готфрид зовет вас, то я вам

Советую. Довольно колебаний.

Показана вам истина, вы в ней

Убеждены. Одно лишь я прибавлю.

30

Припоминая распри между вами,
Приведшие к постыдным неудачам,
Взаимную припоминая зависть,
Препону и помеху вашей славы,
И вечную медлительность в делах,
Я нахожу, что все проистекает
От разделенья власти, оттого,
Что нет у вас во мнениях единства.

31

Один пусть будет вождь, и от него
Награды все и кары пусть исходят;
Где власть разделена, там управленье
Подобно челноку в открытом море.
Сплотитесь воедино, одному
Возническому узду и вожжи вверьте:
Вооруженный скипетром и властью,
Пусть примет он державные права».

32

Так старец говорит. Тебе, Создатель,
Открыты наши мысли и сердца,
Ты вдохновил пустытника, Ты в душах
Вождей запечатлел его слова,

Ты одолел присущее всем смертным
Стремленье в них повелевать другими.
Вильгельм и Гвельф, знатнейшие, всех раньше
В начальники Готфрида предлагают.

33

В ответ на это клики раздаются
И голоса: «Пусть нашего похода
Душою будет он, пусть он над нами
Главенствует, законы побежденным
Преподает, войной и миром правит;
Мы исполнять его лишь волю станем».
О выборе столь славном слух по всей
Окрестности разносится тотчас же.

34

Готфрид выходит к войску; по всему
Высокого избранья он достоин.
С улыбкой ясной и со скромным взором
Приветствия солдат он принимает,
Приветствия выслушивает их
И поощряет их ответной речью,
Потом приказ он отдает: наутро
Собраться всем в порядке боевом.

35

Яснее и светлее, чем обычно,
Восходит солнце; с первыми лучами
Проснувшегося дня уже пестреет
Знаменами развернутыми воздух,
И на лугу в сверкающих доспехах
Равняются войска. Вот и Готфрид,
Пехота, кавалерия проходит
Перед глазами зоркими его.

36

О ты, что, рассевая тьму годов,
Минувшее ревниво сохраняешь,
Ты, Память, подскажи мне имена
Воителей и численность их ратей!
В безмолвии затерянная слава
Пусть, яркая, в моих стихах воспрянет.
Дай звуки мне такие, чтобы их
Из века в век в грядущем было слышно.

37

Все на подбор, сперва проходят франки;
Их Иль-де-Франс богатый, четырьмя

Реками орошаемый, доверил
Гуго, родному брату короля;
Но не было того уже в живых,
И лилии Клотарию достались.
Он имя королевское носил
И был его по доблестям достоин.

38

Здесь тысяча их всадников; за нею
Идет другая тысяча такой же
Наружности и выправки, в таких же
Одеждах и доспехах. Их глава,
Их вождь – Роберт. Развертывают дальше
Вильгельм и Адемар свои отряды,
Державные тот и другой владыки,
И оба также – пастыри народов.

39

Из мрака алтарей явились оба;
Волос их пряди длинные – под шлемом,
И грозное оружие – в руках,
Делам любви и мира посвященных.
Четырьмястами воинов Оранжа
Начальствует Вильгельм; четыре сотни

Таких же молодцов у Адемара,

Все уроженцы города Пюи.

40

За ними – Балдуин; он во главе

Двухсот булонцев, и к его знаменам

Примкнул еще отряд: когда Готфрид

Главенство получил над всею ратью,

Он воинов своих доверил брату.

Герой неустрашимый на войне,

Само благоразумие в совете,

Четыреста бойцов ведет граф Шартрский.

41

Проходит Гвельф, тот Гвельф, что по заслугам

Судьбою вознесен на высоту:

Природный итальянец, отпрыск д'Эсте,

Поддерживает он и славу Гвельфов,

За ним второе имя укрепивших.

Законы дав Каринтии, он стал

Владыкой стран меж Рейном и Дунаем,

Где встарь селились швабы и ретийцы.

42

Наследство он победами умножил.
Солдаты за него в огонь и в воду
Идти готовы; в мирное же время
Пирь да игры им всего милей,
И теплотой приятной умеряют
Они родимых сел суровый холод.
Пять тысяч Гвельф привел с собой, но персы
Их истребили больше двух третей.

43

Проходит цвет народа, что теснится
Меж Францией, Германией и морем
В обильной влаге Рейна и Мааса.
Он бел лицом и волосами рус.
Борьбою с океаном закаленный,
Глубокие плотины ставит он;
Но океан, преграды разрушая,
Суда и города его уносит.

44

Их тысяча, начальствует же ими
Другой Роберт. За ними – англичане
Могучим эскадроном под главенством
Второго сына короля, Вильгельма.

Они в метанье дротиков искусны.
Тут и отряд их северных соседей,
Тех дикарей, что прячутся в лесах
Ирландии, где уж конец и свету.

45

Танкред идет, Танкред, что благородством,
Отвагой, щедростью и красотой
Всех воинов-собратьев затмевает,
Лишь одного Ринальда исключая.
Но блеск его подернут легкой тенью,
И это – огонь несчастной, зарожденной
В пылу боев, влачащей дни в печали
И горестью питаемой любви.

46

В тот день навеки славный, говорят,
Когда разбили персов христиане,
Танкред-победоносец, утомившись
Преследовать спасавшихся врагов,
Приют себе сыскал, чтоб отдохнуть
И утолить мучительную жажду.
Вошел он в рощу темную, где рево
Средь муравы струился чистый ключ.

47

Вдруг девушка явилась перед ним;
Лишь голова у ней была открыта:
То юная персидка-амазонка
Искала также отдыха и тени.
Танкред глядит, глядит и, восхищенный,
Все больше с каждым мигом пламенеет.
Любовь, едва увидевшая свет,
Уж в сердце у него царит тираном.

48

Надев поспешно шлем, персидка тут же
Напала б на врага, когда б к нему
Не подоспела помощь. Отступить
Красавице приходится невольно;
Но в сердце побежденном дивный образ
Живет уже; все, все напоминает
Танкреду и ее, и место встречи,
И вечную огонь находит пищу.

49

Идет с глазами, мокрыми от слез,
И с головой опущенной, а сердце

Едва вмещает вздохи: все по виду
В нем говорит о страсти безнадежной.
С ним восемьсот наездников лихих:
Покинули они без сожаленья
Родимых стран – Кампаньи и Тосканы —
Цветущие равнины и холмы.

50

Две сотни греков дальше. Никакого
Железного прикрытия на них:
Лишь сбоку меч висит, и за плечами
Со звоном лук и стрелы шевелятся.
Их легкие, выносливые кони
Живут почти без отдыха и корма;
Вперед ли мчась на них, назад ли, греки
И в одиночку биться продолжают.

51

Их вождь Татин из всех державных греков
Единственный к латинянам примкнул.
Позор и стыд! О Греция, спокойно
Событий выжидая, наблюдала
Ты за войной почти в твоих пределах;
Под тяжестью цепей своих, рабыня,

Изнемогай, но на судьбу не плачься:

По трусости ее ты заслужила.

52

Последним появляется отряд,

Которому по доблестям нет равных.

То – лучший цвет бойцов, гроза войны

И ужас Азии – авантюрьеры.

Прославленные сказкой аргонавты

И рыцари бродячие тем паче,

Как тени исчезают перед ними.

Но кто же их главой достоин быть?

53

Дудон – глава; старик, под сединами

Всю силу мужа зрелого сберегший

И честных ран рубцами говорящий

Яснее слов о подвигах своих.

По знатности и храбрости здесь каждый

Потребовать бы мог себе главенства,

Но все сошлись на выборе того,

Кто опытом всех старше и богаче.

54

Евстахий здесь блистает, знаменитый
Сам по себе и как Готфридов брат.
Тщеславится наследием державным
Сын короля норвежского Гернанд.
Рожер де Бернавиль и Энгерлан,
Как встарь, свою поддерживают славу.
Равно Гентон, Рамбальд и два Герарда
Отвагою и удалью дивят.

55

В строю здесь и Убальд, и Розамунд,
Ланкастерского герцогства наследник.
Герой Тосканы, Обиц неприступный,
И Паламед, и Сфорца, и Ахилл,
Три брата, честь Ломбардии! Река
Забвения имен не скроет ваших;
И твоего, на чьем щите из пасти
Змеи на свет является ребенок.

56

Гуаско не забуду я, Рудольфа,
Обоих Гвидов, подвигами славных.
Не схороню в обидной тьме молчанья
Ни Эбергарда, ни Герньера также.

Куда вы увлекаете меня,
Джилдиппе с Одоардом? Нежной парой
И на войне вы даже неразлучны,
Так и в стихах я вас не разлучу.

57

Чему, Любовь, твоей подпавших власти
Не учишь ты? Могучий вышел воин
Из славного любовника. Джилдиппе
Сражается с любимым мужем рядом.
Единой нитью тянется их жизнь;
И скорби их, и раны нераздельны.
Удар по одному разит другую,
Он тяжело ранен – при смерти она.

58

Но всех бойцов Христовых затмевает
Дитя Ринальд. Лицо озарено
Лучами нежной гордости. Все взоры
Прикованы к нему. Его делами
Превзойдены и возраст и надежды:
Весной собрал он урожай осенний.
Грозя мечом, как молнией, в доспехах
Он – бог войны; без шлема – Купидон.

59

София, дивная София, жизнь
Дала ему на берегах Адига;
Бертольд же мощный был его отцом.
Приемный сын Матильды, с колыбели
Он под ее надзором был воспитан,
Как истый королевич, и расстался
С ней лишь тогда, когда труба Востока
В нем юную отвагу пробудила.

60

Всего лишь по пятнадцатому году,
Из рук, его вскормивших, ускользнув,
Через чужие земли, через море
Он достигает рати христианской.
Столь доблестный побег не должен разве
В его потомках вызвать подражанье?
Три года уж мечом владеет он,
А чуть пушком покрылся подбородок.

61

За конницею следует пехота:
Сперва Раймунд с тулузцами своими.

Отряд четырехтысячный послали
Гаронна, Океан и Пиренеи;
Оружием и выправкой блистая,
Выносливые в битвах и трудах,
Они себе найти бы не сумели
Искусней и отважней полководца.

62

Пять тысяч у Стефана д'Амбуаза,
Все - выходцы из Тура и Блуа.
Хоть с ног до головы они под сталью,
Но быстро поддаются утомленью.
Родной природы сладкая истома —
Их слабости и вялости причина.
В начале схватки лишь они пылают,
Но сразу же и гаснет этот пыл.

63

Потом Алькаст проходит с грозным взглядом
И гордою осанкою: таким
Под Фивами мы видим Капанея.
Сошедших с гор швейцарцев с ним шесть тысяч:
Достоинства исполненный народ
В мечи перековал свои орала.

Рукой, стада привыкшей направлять,
Теперь царей на бой он вызывает.

64

С ключами и тиарою штандарт
Предшествует последнему отряду.
Испытанный Камилл ведет семь тысяч
Солдат в вооружении блестящем.
Тщеславится Камилл, что жребий выпал
Ему былую славу воскресить
И миру показать, что не хватает
Отваге римлян только дисциплины.

65

Готфрид, довольный смотром, созывает
Вождей и отдает приказ на утро:
«Чуть свет в поход, чтоб к городу святому
Поспеть, пока нас враг не ожидает.
Спешите в бой, воители, к победе».
Отважные и мудрые слова
Во всех сердцах находят пылкий отклик,
И ждут зари все взоры с нетерпеньем.

66

Однако же Готфрид не чужд тревоги,
Но тщательно в душе ее скрывает.
Он извещен, что египтянин к Газе
Направился и Сирии грозит.
Воспитанный в боях, конечно, тот
Не станет предаваться сладкой лени.
Готфрид врага опасного в нем чует
И Генриха-гонца к себе зовет.

67

«На легкий, – говорит, – корабль садись
И в Грецию плыви; мне пишет некто,
В обман меня ни разу не вводивший,
Что юного героя царской крови
Прибытия на днях там ожидают;
Он – датский принц, примкнуть желает к нам
И за собой из стран оледенелых
Ведет людей вооруженных много.

68

Быть может, хитрый, лживый грек домой
Вернуть его захочет иль направить
Подальше от нас, в другие страны;
Моих желаний верный исполнитель

И истины орудие, ты должен
Ему представить выгоды наглядно;
Скажи, что я зову его сюда,
Что, медля, он своей рискует славой.

69

Но сам за ним отнюдь не уезжай:
При властелине греческом останься
И побуждай его нам поскорее
Обещанную помощь оказать».
В путь Генрих отправляется, снабженный
Наказами и письмами героя;
Готфрид же, успокоившись немного,
Вкушать желанный отдых начинает.

70

Аврора перед солнцем ворота
Востока отворяет; воздух полон
И треска барабанов, и раскатов
Военных труб: всё в радостном движенье.
Замахнувшей земле сулящий влагу
Небесный гром не так приятен смертным,
Как этим стосковавшимся бойцам
Призывные приятны были звуки.

71

В пылу неудержимого порыва
Воители стекаются толпами
На бранный клич, и каждый поспешает
Отряда своего пополнить строй.
И вот уж в боевом порядке войско;
Шумя, знамена воздух рассекают,
И между ними реет, торжествуя,
Креста святого стяг, залог победы.

72

Часть своего пути свершило солнце,
Его лучи ударили на войско,
И в блесках ослепительных горят,
Как светочи, блестящие доспехи.
Огнем наполнен кажется весь воздух;
Оружия веселое бряцанье
И ржанье застоявшихся коней
Разносятся далеко по равнине.

73

Военачальник мудрый все предвидел,
Обдумал все и всем распорядился,

И конница уже повсюду рыщет,
Окрестности осматривая зорко;
А землекопы заняты своим:
Уравнивают тщательно дороги,
Рвы до краев землю засыпают
И делают свободными проходы.

74

На свете нет такой враждебной силы,
Такого вала нет, потока, леса,
Которые могли б остановить
Движение стремительного войска.
Так царь всех рек, волну вздымая в гневе,
Равнину предает опустошенью:
Тогда уж ни плотины, ни запруды
Могучего разлива не удержат.

75

Властитель Триполи один имел
И деньги, и солдат, и укрепления,
Один им противостоять был в силах,
Но нанести удар он не решился.
Трусливо укрываясь за стенами,
Он хочет мир подарками купить.

Готфрид ему условия диктует

И принимает в подданство его.

76

С горы Сеира, той, чей склон восточный

Господствует над городом святым,

Во множестве спустились христиане;

Несут мужчины, женщины и дети

Дары завоевателям. С восторгом

Глядят на избавителей и братьев,

Рассматривают их вооруженье

И верный путь указывают войску.

77

Готфрид в пути все берега морского

Старается держаться. Там, он знает,

Стоит дозором дружественный флот,

Надежная поддержка и подмога.

Лишь для него вся жатва золотится

На островах; лишь для него Хиоса

И Крита виноград созревший рдеет,

И этим он вполне обязан флоту.

78

Под тяжестью судов вздыхает море,
И пенится под веслами волна.
Нет больше здесь приюта сарацину:
Он всюду встретит рабство или смерть.
Венецианцы, бритты, генуэзцы,
Французы, сицилийцы и голландцы
Морские флаги выслали сюда,
И из-за них морской не видно глади.

79

Одним порывом движимы те флоты,
Одни их с войском связывают узы.
Добытые на разных берегах,
Они ему припасы доставляют.
Меж тем Готфрид уже успел вступить
В пределы иноверческих владений
И быстро приближается к местам,
Святою кровью Бога орошенным.

80

Но, вестница и правды и неправды,
Молва распространяет слух повсюду
О том, что христиане уж в походе
И что уж их нельзя остановить.

Высчитывает силы их она,
Достойнейших вождей перечисляет
И, в ужас похитителя ввергая,
Сулит ему злосчастнейший удел.

81

Боязнь беды мучительней гораздо
Беды самой сердца приводит в трепет.
Встревоженное ухо жадно ловит
Пустые, непроверенные вести
И мрачное смятенье вносит в души.
Невнятный, смутный ропот переходит
Из города в деревни и обратно,
Печали и тревоги умножая.

82

Меж тем тиран уже лелеет в сердце
Намерения злые. Аладином
Его зовут. Недавно власть похитив,
От страха он не ведает покоя.
Жесток он от рождения, но годы
Смягчили нрав его. Теперь воскресли
В нем старые заботы: и врагов
Боится он, и подданным не верит.

83

В одном и том же городе живут
Два разные народа разной веры:
Числом преобладают христиане,
Но сила вся в руках магометан.
Когда глава Солима Аладин
Престол здесь учредил, неверным сделал
В налогах он большое облегченье,
Излишек же взвалил на христиан.

84

Сугубый страх их ненависти в нем
Сугубую жестокость пробуждает.
Доныне так еще не пламенела
И крови так не жаждала она.
Змея, окоченевшая от стужи,
К весне вреднейшей тварью оживает;
Как ни смирен, ни кроток лев ручной,
Он дикого ужасней, раздраженный.

85

«Я вижу ясно, – говорит тиран, —
Неверных подавляемую радость;

Их наши злополучия питают,
Слезам же улыбаются они.
На жизнь мою, быть может, посягая,
Они куют измену втихомолку
Иль ожидают случая внезапно
Впустить сюда своих названных братьев.

86

Нет, козни их разрушу я, свой гнев
В крови их потушу и этой кровью
Залью Солим; у матерей в утробе
Младенцев нерожденных уничтожу.
Сожгу дома и храмы их, и вот,
Где будут их костры – на этом Гробе
Святыни их; среди молитвословий
Жрецы как жертвы первые падут».

87

Так нечестивец думает, однако
Злой умысел не переходит в дело;
Но если он щадит невинность, в этом
Не жалость выражается, а трусость.
Страх будит ярость в нем, а пущий страх
Ее смиряет снова. Он боится

Закреть пути к переговорам мирным

И рассердить сильнейшего врага.

88

Так варвар пыл обуздывает свой —

Иной исход дает ему, вернее.

Деревни разоряет он, стирает

С лица земли лачуги бедняков;

Все предает огню, не оставляя

Ни пищи христианину, ни крова.

Ручьи он даже портит и колодцы,

Примешивая яд к воде здоровой.

89

Меж тем Иерусалим он укрепляет.

Надежная твердыня с трех сторон,

В защите он лишь с севера нуждался.

Чуть Аладин опасность заподозрил,

Как поспешил там стены возвести

И воинов отряд укрыть за ними,

Из подданных набрав его отчасти,

Отчасти же наняв чужих людей.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

1

Среди военных сборов предстаёт
Однажды сам Исмен перед тираном;
Исмен, который властен из могилы
Бездушный прах на свет и к жизни вызвать;
Исмен, чей мрачный голос повергает
Владыку преисподней в страх и трепет;
Исмен, поработоритель темных сил,
То милостивый к ним, то беспощадный.

2

В ислам из христианства перейдя,
Не позабыл ещё он прежней веры
И в колдовстве кощунственно мешает
Едва ему знакомые обряды.
На этот раз из мрака черных таинств,
Проведав о нагрянувшей беде,
Жестокому властителю сугубо
Жестокие советы он приносит.

3

И молвит: «Государь, неудержимо
Тебя одолевает вражья рать;

Исполним же наш долг, отваге нашей
И небеса и мир окажут помощь.
Все мудростью усчитано твоею,
Как царь и вождь все меры принял ты,
И если мы тебя достойны будем,
Твои враги здесь обретут могилу.

4

А я готов помочь тебе посильно,
Твои труды и беды разделить.
Я отдаю в твое распоряжение
И старости испытанной советы,
И средства все искусства моего.
Бороться за тебя и самый Ад
Заставлю я. Но, государь, послушай,
Одну тебе открыть я должен тайну.

5

У христиан есть в храме подземелье,
А в нем алтарь, на алтаре ж богини
Изображенье; глупый этот люд
Ее за Богоматерь почитает.
Она – под покрывалом, перед нею
Горит неугасимая лампада;

По сторонам во множестве висят
Усердных богомольцев приношенья.

6

Изображенье это сам своей
Рукой ты должен вынести из храма
И сам его же поместить в мечети.
А я такие чары призову
На помощь, что богиня превратится
В надежную для наших стен охрану:
Ты в ней залог победы обретешь,
И власть твою она же обеспечит».

7

Сказал. Тиран, поддавшись увещаньям,
Летит под кров святыни христианской
И разгоняет пастырей, потом
Рукою святотатственной образ
Выносит вон и водворяет в храм,
Где Небо предается поруганью.
А чародей уже бормочет глухо
Над образом преступные заклетья.

8

Но с первою улыбкою Авроры
Страж храма, нечестивого уже,
Сокровище глазами всюду ищет,
И нет его нигде. Спешит к тирану;
Нежданной вестью в ярость приведенный,
Тот восклицает: «Дело, очевидно,
Руки, для нас неведомой пока,
Но не иной руки, как христианской».

9

Взята ль святыня набожной рукой?
Иль Небо возмутилось тем, что образ
Его царицы, матери Господней,
Подвергся оскверненью, и хотело
Явить свое могущество? Молва
Колеблется меж ловкостью и чудом;
Но что для человека не по силам,
В том вера видит знамение свыше.

10

Старательные обыски идут
По храмам и жилищам христианским:
Все уголки осматривают зорко,
Доносчиков за плату приглашают,

Мучительными карами грозят
Тому, кто скроет вора иль пропажу.
И тщетны все усилья чародея:
Ему не открывает правды Небо.

11

Жестокий Аладин, на христиан
Любое зло всегда взвалить готовый,
В неистовство приходит, оттого
Что против них нет у него улики.
Он хочет мстить; гнев утолить он хочет
Во что бы то ни стало. Говорит:
«Погибнешь ты, неведомый преступник,
Погибнешь заодно со всею сектой!

12

Чтоб не ушел виновный от возмездья,
Погибнет пусть и правый, и невинный!
Невинный! Правый! Ах! Все, все виновны!
Друзей мы не имеем между ними;
Кто непричастен новому злодейству,
За старое заслуживает смерти.
Железом и огнем вооружиться
Спеши, народ мой верный! Жги и режь!»

13

Так возгласил тиран. Приказ жестокий
Меж христиан распространяет ужас:
Со скорбью и отчаяньем в сердцах
Они уж видят смерть перед собою,
Не смеют ни бежать, ни защищаться;
Ни милости, ни правды нет для них.
Злой участи покорные, они
Находят помощь вдруг где и не ждали.

14

Есть девушка в общине христианской
С высокою душою, с чистым сердцем.
В красе очаровательной своей
Она лишь блеск своих достоинств видит,
Но их под кровом скромного жилища
С достоинством скрывает благородным.
И любо ей, забытой, одинокой,
Для взоров и похвал быть недоступной.

15

Но красоту ничто не может скрыть.
Ты этого, Любовь, не допустила!

И юноша, тобой воспламененный,
К ней доступ получил через тебя же.
То бродишь ты с повязкой на глазах,
То с Аргусом всевидящим, свободно
Для взора все преграды разрушая,
Влюбленного в приют заветный вводишь.

16

Софрония, увидевшая свет
В одних стенах с Олиндом, с ним и Бога
Чтит одного. Он многого желает,
Ждет малого и ничего не просит,
Открыться не умея иль не смея;
Она ж его не замечает вовсе.
Так до сих пор бедняк был для нее
Незнаемым иль, может быть, презренным.

17

Зловещие о христианах слухи
В убежище Софронии проникли;
И замысел великий в ней родился:
Она спасти единоверцев хочет.
С отвагою в ней борется стыдливость;
Но, наконец, отвага побеждает:

В счастливом сочетании, вернее,
Сливаются согласно оба чувства.

18

И вот она среди толпы одна;
Красы не выставляя и не пряча,
Взор опустив, под легким покрывалом
Идет она уверенно и скромно.
Не угадать, расчет иль случай ей
Такое придает очарованье.
Счастливая небрежность – дар природы,
Любви и благодетельного Неба.

19

Все взоры на нее устремлены;
Она ж сама ни на кого не смотрит
И, лишь дойдя до грозного тирана,
Ему в лицо бесстрашно говорит:
«Повремени с возмездием кровавым
И удержи народ! Я укажу
Того, кто виноват перед тобою,
И выдам жертву гнева твоего».

20

Отвагой благородной и неожиданным
Сиянием красоты так Аладин
Был поражен, что гнев его смирился
И потускнел в глазах огонь зловещий.
Когда б не столь жесток он был, она же
Не столь сурова, вспыхнул бы он страстью.
Но строгая разборчива краса,
И чтоб любовь жила, нужна надежда.

21

Не чувствуя любви, однако, варвар
Приятного исполнен изумленья.
«Я слушаю тебя, – он говорит, —
И христиан твоих никто не тронет». —
«Виновница перед тобой, властитель;
Моя рука покражу совершила.
Похищен образ мной, меня ты ищешь,
И я должна за это пострадать».

22

Так юная подвижница одна
За всех своею жизнью отвечает.
О, ложь благочестивая! Была ли
Когда-нибудь величественней правда?

Колеблется тиран ошеломленный
И в первый миг не вспыхивает гневом.
«Признайся, – говорит он, – по чьему
Совету ты пришла, кто твой сообщник?» —

23

«Ни с кем не разделю я этой славы,
Вся мне одной она принадлежит.
Никто мне не советчик, не сообщник;
Замыслила и совершила это
Я, я одна». – «Так пусть же на одну
Тебя мой гнев и мщенье обратятся». —
«Решил ты справедливо, государь:
Одной мне честь, одной и наказание».

24

Растет и пламенеет гнев тирана.
«Куда ты образ спрятала?» – «Я вовсе
Не прятала его, я предала
Его огню, чтоб он не подвергался
От вашего нечестья оскверненью.
Тебе виновник нужен или образ?
Погиб навеки образ для тебя,
Виновница ж стоит перед тобою.

25

Сказала я «виновница»; о, нет!

Обратно я взяла лишь то, что было

Похищено неправдою твоею».

Тиран, как зверь, от гнева зарычал.

Созданье непорочное, напрасно

Из чар твоих Любовь сковала щит:

Не укротят свирепого злодея

Ни красота, ни доблесть, ни стыдливость.

26

Ее хватают; варваром она

Присуждена к сожжению. Уже

И девственные сорваны одежды,

Уже и руки нежные в оковах;

Она молчит: отвага в ней не гаснет,

Но чистая взволнована душа;

В лице как бы застывшем – ни кровинки:

Не побледнев, оно белей лишь стало.

27

Весь город узнает об этом быстро;

Бежит народ, бежит Олинд с народом.

Кто героиня, он еще не знает:
Возлюбленная, может быть, его!
Он там уже, он перед ней, он видит
Невинную во власти палачей,
Горящих рвением казнь ее ускорить;
И он через толпу спешит к тирану.

28

«Нет, государь, нет, это не она,
Безумство для нее хвалиться этим.
Без помощи, без опыта могла ли
Она пойти на дерзостное дело?
Как удалось ей обмануть охрану
И образ унести? Пусть скажет, как!
Я, государь, украл святыню нашу».
Так он любил ее, сам не любимый.

29

«Откуда проникают свет и воздух
В твою мечеть, там узкую лазейку
Нашел я и в мечеть пробрался ночью:
Мне честь принадлежит и мне же – смерть.
Я ей на казнь не уступаю права:
Не для нее оковы – для меня,

Как для меня, огонь там раздувают,
Как для меня, готовят там костер».

30

Подняв глаза, взгляд нежного участия

Софрония бросает на Олинда.

«Чего ты домогаешься, несчастный?

Какой тебя влечет на гибель жребий?

Иль я одна не вынесу всего,

На что способна злоба человека?

Поддержки моему не нужно сердцу,

Оно одно сумеет встретить смерть», —

31

Так говорит Софрония Олинду,

Но он в своем решенье непреклонен.

О, доблестное зрелище борьбы

Любви и добродетели, где в смерти

Награду обретает победивший,

А побежденный жизнь считает казнью!

При виде состязающейся пары

Все больше свирепеет Аладин.

32

В отваге их и в их презренье к смерти

Он видит лишь обиду для себя.

«Я верю, – говорит он, – им обоим,

И пусть победу оба торжествуют».

Олинд, как и Софрония, в оковах.

Влюбленного с любимой к одному

Столбу приковывают так, чтоб только

Их спины меж собой соприкасались.

33

Окружены они костром высоким;

По нём огонь уж пробегает с треском.

К подруге обращается Олинд

С такими скорбно-нежными словами,

Их прерывая вздохами невольно:

«Так вот те цепи, что соединят

В одну две наши жизни! Вот то пламя,

Что равный пыл зажжет в обоих душах!

34

Иные узы и иное пламя

Сулила мне любовь; меж тем судьба

Жестокая всю жизнь нас разлучала

И перед смертью лишь соединяет.

Но если разделить с тобою ложе
Мне не дано, я разделю могилу.
Лишь о тебе я плачу, сам же счастлив
Уж тем, что умираю близ тебя!

35

Воистину блаженнейшею смертью
От казни упоительной я гибну!
О, если бы я мог, прильнув губами
К твоим губам в последнее мгновенье,
Вдохнуть в тебя всю душу без остатка,
Твою же взять в обмен!» Так злополучный
Олинд свою оплакивает участь.
Софрония на это отвечает:

36

«Иным слезам и мыслям в этот час
Предайся, друг, свои ошибки вспомни
И вспомни ту небесную награду,
Какая смертных ждет за добродетель.
Пусть казнь твоя молитвой к Богу будет,
И сладостной покажется она.
Взгляни на небо дивное, взгляни,
Как солнце нас зовет и утешает».

37

Язычники вопят от скорби громко,
Не сдерживают стонов христиане.
Неведомое чувство в непреклонной
Душе своей испытывает деспот;
Не в силах побороть его, от казни
Глаза он отвращает и уходит.
Софрония, оплаканная всеми,
Одна из всех ты слез не проливаешь.

38

Вдруг воин появляется в толпе
С величественно-гордою осанкой.
Доспехи и одежды обличают
Пришельца из далеких, чуждых стран.
На шлеме тигр красуется, и это
Приковывает к воину все взоры.
Клоринду по примете знаменитой
В нем узнают; она сама и есть.

39

С младенчества Клоринда презирала
И женский труд, и женские забавы;

Ни пряже, ни шитью не отдавая
Свободных рук, она надменным видом
От неги и соблазна городов
Свою оберегала добродетель;
Но строгие черты ее не могут
От взоров скрыть пленительность ее.

40

Еще рукою слабою ребенка
Она уж укрощала скакунов;
Копьем, как и мечом, равно владела
И легкостью дивила в быстром беге.
Через леса и по горам она
Преследовала тигров и медведей;
Бесстрашным львом была в боях, в лесах же
Охотником была неутомимым.

41

Из Персии приехала она
Сражаться с христианами, которым
Ее руки удары уж знакомы.
Не раз она их в поле поражала
И воды обагряла вражьей кровью.
Приготовленья к смерти увидав,

Торопится узнать она, какое
Несчастные свершили преступленье.

42

Дорогу ей дают; ее вниманье
Безмолвие Софронии и вздохи
Олинда привлекают: слабый пол
Сильнейшую являет ей отвагу.
Но, жалостью проникнутый, Олинд
Не о себе и плачет и вздыхает.
Софрония, взор устремив на небо,
Уж, мнится, порвала земные узы.

43

Клоринда соболезнает обоим,
Обоих и дарит она слезами;
Но интерес живейший возбуждает
В ней та, что равнодушна к лютой смерти.
К стоящему поблизости к ней старцу
С вопросом обращается персидка:
«Будь добр, скажи мне, кто они такие
И что сюда на казнь их привело?»

44

Соседу, чтоб ответить на вопрос,
Немного слов понадобилось. Грустным
Рассказом пораженная, она
Решает в сердце, что невинны оба.
«Нет, не умрут они, иль ничего
Не стоят ни мольбы, ни меч Клоринды».
Летит к костру, велит его гасить
И палачам приказывает властно:

45

«Ни одного движения, пока
Я с вашим господином не увижусь!
За промедленье вас он не накажет,
Порукою мое вам слово в том».
И вид ее, и речь повелевают
Повиноваться ей беспрекословно.
Сказала и стремится к Аладину,
Который сам навстречу к ней идет.

46

«Клоринда – я. Быть может, это имя
Тебе небезызвестно? Защищаю
Я власть твою и мщу за нашу веру:
Лишь прикажи, готова я на все.

Как не боюсь я подвигов труднейших,
Так и легчайших я не презираю.
В открытой ли равнине, за стенами ль,
Везде мою ты помощь обретешь».

47

Сказала. Аладин ей отвечает:
«Воительница доблестная, есть ли
На свете столь далекая страна,
Где имя бы твое не прогремело!
В твою поддержку веря, я спокойно
Победы ожидаю над врагом.
Несметное будь войско у меня,
Надеялся не так бы я, как ныне.

48

Испытывает слишком уж Готфрид
Мое терпенье длительным походом.
Свой меч ты предлагаешь мне: тебя
Великие лишь подвиги достойны.
Я воинов своих тебе вручаю,
Твои приказы им законом будут».
Со скромностью Клоринда отвечает
На полную приятной лести речь

49

И заключает так: «Не удивляйся,
Что я тебя оцениваю раньше;
Но, веря в доброту твою, решаюсь
Просить пощады этим двум несчастным.
Я к милости взываю, а должна бы,
Скорее, к справедливости взывать:
Доказывать невинность их, однако,
Не стану я, хоть в ней не сомневаюсь.

50

Свалить покражу образа хотят
На христиан во что бы то ни стало.
Я это обвиненье отвергаю,
И вот тебе неотразимый довод.
Тебя на преступленье, на кощунство
Склонил своим советом чародей:
Великий грех для нас, чтоб в нашем храме
Был идол, да еще и чужеземный.

51

Я чудо к Магомету отношу:
Он нам явил и мощь свою, и славу;

Его десница праведную веру
От подмеси нечистой избавляет.
Оружия иного не имея,
Колдует пусть по-прежнему Исмен:
Мы, воины, мечом владеем только;
Все знание наше в нем и вся надежда».

52

Бесчувственное сердце Аладина
Упорствует в жестокости, но он
Желаниям Клоринды уступает
И просьбам покоряется ее.
«Дарую, – молвит, – жизнь им и свободу.
Будь это справедливость или милость:
Невинные, оправданы они;
Виновные, помилованы мною».

53

Снимают с них оковы. Но – о чудо! —
Любовью оба сердца пламенеют.
Олинд, любивший только, стал любимым;
Супруг счастливый вскоре, превращает
Огонь костра он в факел Гименея,
С Софронией хотел он умереть,

Но поворот судьбы – и уж согласна
Софрония, чтоб он в живых остался.

54

Но деспот подозрительный боится
Соединить с отвагой добродетель:
Он подвергает их почетной ссылке
В далекую страну. И все ж от мести
Не хочет он избавить христиан:
Заковывает часть, часть изгоняет;
И в тягостном прощании они
Последнее находят утешенье.

55

Жестокая разлука! Аладин
Разит лишь тех, кто для него опасен.
И старики, и женщины, и дети
Заложниками сильных остаются.
Отцы, мужья и сыновья уносят
Не скорбь, а лишь отчаянье в сердцах.
Они спешат соединиться с войском,
Эммауса уж стены обложившим.

56

Твоя земля, Эммаус, по соседству
С землей Солима. Ах! В какую радость
Один твой вид приводит христиан!
Какого нетерпения полна
Их без того кипучая отвага!
Но больше половины совершило
Пути дневного солнце, и Готфриду
Приходится сдержать свой бранный пыл.

57

Уж на ночь разбивать палатки стали,
Уж солнце приближалось к океану,
Когда вдруг примечают двух вельмож,
По платью и обличью чужеземцев,
Притом они являются, как видно,
Глашатаями дружбы. То послы
Властителя египетского были;
И их сопровождал блестящий поезд.

58

Один – Алет. Из самой низкой черни,
Без племени и рода, он сумел
Добраться до подножия престола.
Речистый, льстивый, вкрадчивый, проворный,

Свой вид и нрав он каждый миг меняет.

И в клевете великий мастер тоже:

Злословить продолжает и тогда,

Когда по всем приметам только хвалит.

59

Другой – черкес Аргант. В Египет он

Явился как искатель приключений

И звания сатрапа там достиг.

Отвагу боевую обнаружив,

Высокое он в войске занял место.

Нетерпеливый, яростный, упорный,

Усталости не знающий, привык

Лишь одному мечу он поклоняться.

60

По требованью их без промедленья

Они к Готфриду доступ получают.

Простой и в обхожденье, и в одежде,

Сидел он посреди других вождей;

Но ярко блещет истина и доблесть,

В заимствованном блеске не нуждаясь.

Скользнув по нем высокомерным взглядом,

Аргант едва кивает головой.

61

Алет же, к сердцу руку приложив
И опустив свой взор, поклон столь низкий
Отвешивает скромному Готфриду,
Как будто тот – Египта повелитель.
И речи слаще меда полились
Из уст его струей неудержимой;
А христиане молча ждут, пока
Иссякнет весь родник его витийства.

62

«Великодушный воин, – говорит, —
Единственный достойный вождь героев,
И доблести и мудрости твоей
Обязанных триумфами, и раньше
Добытыми, чем стал ты их главою!
Переступил ты в славе за столбы
Геракловы, и весь Египет полон
Рассказами о подвигах твоих.

63

Но эти чудеса не столь дивят,
Сколь восхищают нашего владыку.

Хоть вас двоих и разделяет вера,
С тобой в одном он чувстве хочет слиться.
Ждет от тебя и мира он, и дружбы.
И вот, узнав, что низложить его
Союзника и друга ты задумал,
Прислал он нас тебе поведать тайну.

64

Когда бы удовольствовался ты
Победами, одержанными раньше,
И в мире бы его оставил земли,
Охотно поддержал бы он доныне
Непрочное могущество твое.
Напасть на вас обоих кто посмеет?
Настанет и для турка, и для перса
Когда-нибудь желанный день возмездья?

65

Из рода в род передаваться будут
Рассказы о твоих делах великих,
О том, как ты одолевал твердыни,
Как новые пути ты открывал,
Как в страны отдаленнейшие ужас
Предтечею твоих знамен являлся.

Расширить можешь ты свои владенья,
Но к славе не прибавишь ничего.

66

Она своей вершины уж достигла,
И ты ее не должен подвергать
Случайностям, с войною сопряженным.
Ты победил – осталась та же слава;
Ты побежден – ни славы нет, ни чести.
И безрассудно было бы, и дерзко
Вверяться слепо прихотям судьбы,
Когда судьба тебе уж не должница.

67

Твои, быть может, тайные враги,
Завидуя твоей великой мощи,
В твоей душе поддержат бранный пыл;
И в чаянье побед, быть может, новых
Отдашься соблазнительному рвению
Повелевать народами-рабами,
От мира убегать ты будешь больше,
Чем люди убегают от войны.

68

«Не покидай путей широких, – скажут, —
Которые тебе судьбой открыты,
Не вкладывай в ножны меча, который
Твоих побед всегда порукой был,
Пока не одолеешь Магомета
И Азии не обратишь в пустыню».
Пленительно-прекрасные мечты,
Но в них – твоя погибель, может стать.

69

Но если только ненависть в тебе
Не затемнит рассудка, ты увидишь,
Что не на что надеяться уж больше,
А опасаться следует всего.
Судьба непостоянна: то успехи,
То горести нам шлет поочередно,
И часто мы, взлетев под облака,
Летим стремглав в ужаснейшую бездну.

70

Скажи мне, если сильный и богатый
Египет погубить тебя захочет
И если турок, перс и сын Хассана
В одно нагрянут на тебя, какими

Плотинами разлив ты остановишь?
Где помощь ты найдешь? Иль ты питаешь
Надежды на завистливого грека?
На клятвы в вечной верности его?

71

Э, верность греков! Кто ее не знает!
Обманутый однажды иль, скорее,
Обманутый тысячекратно этим
Предательским и скаредным народом,
Подумай, как его бояться надо:
Он даже отказал тебе в походе,
А ты еще все веришь простодушно,
Что он тебе и кровь и жизнь отдаст.

72

Иль, может быть, питаешь ты надежды
На войско, что тебя здесь окружает?
И тех, что победил доныне порознь,
Сплоченными мечтаешь победить?
Но ведь немало жертв уже войне
Принес ты и болезням; на подмогу ж
Двум недругам, рассеянным тобою,
Готов явиться третий – египтянин.

73

Дано тебе судьбою обещанье,
Что будешь ты в боях неуязвим:
Так в хартиях начертано небесных!
Хотел бы я с тобою верить в это;
Но голод сторожит уже тебя:
Где тот приют, куда б ты мог укрыться
От этого бича? Вооружись
Мечом, копьем и ожидай победы!..

74

Еще до твоего сюда прихода
Здесь все предусмотрительностью мудрой
Истреблено и предано огню,
А урожай хранится весь в Солиме;
Где ж корм коням и где солдатам пищу
Добудешь ты? На флот укажешь: значит,
Зависит пропитание твое
От милости ветров непостоянных?

75

А может быть, тебе подвластны ветры
И ты по произволу ими правишь?

Глухое к нашим крикам и мольбам,
К тебе, быть может, волны катит море?
Иль все еще ты льстишь себя надеждой,
Что Турция и Персия, с Египтом
Соединившись, выставить не в силах
В противность твоему такой же флот?

76

Чтоб твой поход успехом увенчался,
Ты должен две победы одержать:
Одну хоть, государь, ты проиграешь,
Себя стыдом покроешь и погибнешь.
Твой флот ли поражение понесет,
Жди ужасов тогда голодной смерти;
Разбит ли будешь сам, к чему послужит
Тогда тебе и флот победоносный?

77

Но если руку дружбы, государь,
Все ж отвергаешь ты, прости за вольность:
В твою отвагу верю я, как прежде,
Но в мудрость больше верить не могу.
Да вдохновит тебя святое Небо
И слух преклонит твой к советам мира,

Чтоб, Азии вернув покой, ты мог
Своих побед плодами наслаждаться!

78

Примите мой совет и вы, герои,
Товарищи трудов его и славы:
Прельщенные соблазнами судьбы,
Не думайте о новых войнах больше
И вновь себе врагов не наживайте.
Как счастливо беда избегший кормчий,
Вкушайте отдых в гавани надежной
Подальше от стихии своенравной».

79

Смолкает египтянин. Раздается
Со стороны героев смутный ропот:
Негодования грозного полны
И взгляды их, и их тело движенья.
Внимательно исследовав все лица
И в общем одобренье убедившись,
Готфрид к Алету взоры обращает
И держит речь ему в таких словах:

80

«Властителя египетского вестник,
Ты ловко примешал угрозы к лести.
Коль вправду господину твоему
Любезен я, воздать я не премину
Ему за это чувство, как должно;
Что ж до того союза, о котором
Ты возвестил, то вот, что я тебе
С обычным прямодушием отвечу:

81

Узнай, что все напасти и невзгоды
Презрели мы с единственной целью
Достигнуть стен священных и Солим
Освободить от тягостного рабства.
Проникнутые замыслом великим,
Стараясь милость Божью заслужить,
Ни суетной не дорожим мы славой,
Ни нашими владеньями, ни жизнью.

82

Ни алчность, ни тщеславие к походу
Не побуждали нас. Да вырвет Небо
Из наших душ смертельную отраву!
И да не даст нечистому зерну

Пустить ростки заразы в наших чувствах:

Да направляет нас на всех путях

Его десница, та, что, проникая

В сердца людей, их и смягчит и греет!

83

Она оберегала наш поход,

Она в пути преграды понижала;

Она срезает горы, сушит реки,

Она и зной и стужу умеряет;

Она ветрам вещает плен и волю,

Она обуздывает ярость волн;

Для нас разносит в прах твердыни вражьи,

Для нас уничтожает вражьи рати.

84

В ней – наша храбрость, в ней – надежда наша, —

Не в слабых наших силах, не во флотах,

Не в том, что кормит Греция войска,

Не в том, что шлет воителей Европа.

Лишь нас бы не оставила она,

В опоре недостатка нам не будет.

Кто у нее был под крылом, в напасти

Искать не станет помощи иной.

85

Когда ж ошибки наши иль ее
Произвольенье нас лишит поддержки,
Кто не почтет из нас себя счастливым,
Свой гроб найдя с Господним Гробом рядом?
Да, мы умрем, к грядущим не ревнуя,
Да, мы умрем, но не умрем без мести.
Не осмеет нас Азия тогда
И наших слез предсмертных не увидит.

86

Не думай, впрочем, чтобы в жажде битвы
Мы мира избегали и боялись.
Ни дружбы господина твоего,
Ни с ним союза мы не отвергаем.
Но не в его владеньях Иудея:
Зачем же так печется он о ней?
Пусть, нам чужие страны предоставив,
Он у себя вкушает мир счастливый».

87

Сказал он, и от слов его Аргантом
Безумная овладевает ярость.

Со взглядом искрометным, не владея
Собой, он приближается к Готфриду
И говорит ему: «Не хочешь мира,
Так получай войну; ее ты ищешь!
Иначе б не отринул ты руки,
Протянутой тебе столь дружелюбно».

88

Хватает он полу своей одежды,
Ее в крутую складку загибает
И, с дерзостным презрением к Готфриду
Все так же обращаясь, говорит:
«Тебе, что жизнь и честь свою вверяешь
Сомнительным удачам, приношу
Я дружбу и войну; то иль другое
Ты выбирай, но выбирай немедля».

89

При этой оскорбительной угрозе,
Не выслушав решения Готфрида,
Все как один воители Христовы
Встают, и слышно лишь: «Война! Война!»
Одеждой потрясая, варвар молвит:
«Примите же на жизнь и смерть мой вызов!»

Свиреп он и ужасен, как глашатай

Войны у арки Янусова храма.

90

И кажется, что из его груди

Раздора злые змеи выползают;

Глаза же мечут молнии, как будто

В них факел фурий пламя заронил.

Таков был, без сомненья, гордый смертный,

Вознесший к небу башню Вавилона:

С поднятой головой грозящий звездам,

Таким являлся он перед народом.

91

«Мы вызов принимаем, – объявляет

Готфрид, – вы ж государю своему

Скажите, чтоб являлся к нам скорее

Иль ждал бы нас на нильских берегах».

Потом он отпускает их, радушно

Почетными дарами наделив.

Алету достается шлем богатый,

Добытый при падении Nikeи.

92

Арганту – меч: узором из камней
Покрыта рукоятка золотая;
Но больше драгоценностей вниманье
Влечет к себе чудесная работа.
Рассеянно взглянув на украшения,
Готфриду говорит свирепый воин:
«Увидишь скоро ты, какую цену
Приобретет в моей руке твой дар».

93

Они выходят. Говорит Аргант:
«Расстанемся. Хочу я к ночи быть
В Иерусалиме: ты ж с восходом солнца
Прямым путем в Египет отправляйся.
Теперь ни я, ни грамоты мои
Не нужны при дворе. Ты государю
Ответ неверных точно передашь;
Мне ж поприще войны нельзя покинуть».

94

Так враг посла сменяет сразу в нем.
Был правилен иль нет его поступок,
Не оскорбил ли он обычай древний,
Об этом он не думает нимало:

Не дав ни слова вымолвить Алету,
В тиши при свете звезд к стенам Солима
Спешит, нетерпеливый, оставляя
Товарища в таком же нетерпенье.

95

Одела мир покровом черным ночь;
И воздух стих, и задремали воды.
Усталых обитателей лесов,
Пещер, озер, морей, всю тварь земную
Сковал отрадный сон; и в тайных недрах,
Средь ужасов безмолвия и мрака,
Забыт кипучий день, а с ним забыты
Все радости, забыты и печали.

96

Но, не смыкая глаз, всю ночь без сна
И отдыха проводят христиане;
Нетерпеливо ждут они зари,
Что осветить должна их путь и к цели
Заветной привести. Тревожным взглядом
Восточный край небес они пытаются,
Подстерегая первые лучи
Ночным теням грозящего светила.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

1

Уж дует свежий ветерок, Авроры

Гонец передовой; она восходит

И к золоту сиянья своего

Примешивает розы небосклона.

Готовы к выступленью христиане.

Равнина шумным говором полна.

Всеобщее венчают оживленья

Веселых трубных звуков перебаты.

2

Готфрид благоразумною рукою

Смирить войска пытается напрасно:

Скорее удержал бы он волну

У пристани Харибды иль Борея,

Когда, разбушевавшись, он колеблет

Вершины Альп и топит корабли.

Поспешно выступают, но веленьям

Готфрида и в поспешности послушны.

3

Летят в одно, стремительным порывом
Стремительный полет опережая;
Им кажется, что из-под ног земля
Назад уж слишком медленно уходит.
Сильнее жар от солнца. Перед ними
Иерусалим внезапно вырастает;
И сотни голосов, перемешавшись,
Кричат: «Иерусалим! Иерусалим!»

4

Так смелые пловцы в морях далеких:
Отправившись на поиски земель
Неведомых, они блуждают долго,
Носимые коварною волною,
Но видят, наконец, желанный берег,
Шлют громкое приветствие ему
И в общем ликование забывают
Пережитые беды и печали.

5

Но сладостный восторг, что охватил
Сердца героев в первое мгновение,
Глубокою, с благоговейным страхом,
Печалью омрачается внезапно.

Едва свой взор поднять они дерзают
На город, Богом избранный, где Он,
По смерти погребенный, торжествуя,
Вновь смертную воспринял оболочку.

6

Неясные, подавленные речи

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/tasso_torkvato/osvobozhdenny-ierusalim

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)